

УДК 343.9.01

DOI 10.52928/2070-1632-2022-62-12-152-157

ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В УСЛОВИЯХ ПРЕОБРАЗУЮЩЕЙСЯ РЕАЛЬНОСТИ

канд. юрид. наук Ю.Л. ПРИКОЛОТИНА

(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)

e-mail: y.prikolotina@psu.by

ORCID <https://orcid.org/0000-0003-4791-0493>

В условиях интенсивных и ускоряющихся преобразований социальной действительности наука выступает в качестве одного из адаптивных механизмов, позволяющих понять сущность происходящего и перспективы грядущих изменений. Однако в условиях стремительных и существенных социальных изменений социальные эмпирические науки, включая криминологию, также нуждаются в преобразовании с учетом цифровизации отношений, их экспоненциально нарастающей сложности и нарастания всеобщей связанности. Эти свойства преобразующейся реальности требуют не только ухода от традиционных источников информации о криминологически значимых феноменах, не только применения (расширения) междисциплинарного подхода, но и становления «количественной парадигмы криминологии», «вычислительной криминологии», позволяющей отслеживать как криминальные, так и потенциальные криминогенные феномены, а также фоновые явления преступности в режиме живого времени посредством мониторинга и с использованием как заданных, так и самостоятельно формирующихся алгоритмов.

Ключевые слова: преобразующаяся реальность, методология криминологии, количественная парадигма криминологии, вычислительная криминология.

Введение. Новейшая социальная реальность при определенном подходе, выражающем эмоционально окрашенные рефлексии современного человека, может быть охарактеризована как «турбулентная», «хаотичная», «случайная» и «враждебная»¹. «Турбулентность» указывает на осознание многократного увеличения скорости социальных изменений при их одновременной разнонаправленности. «Случайность» выражает осознание непредсказуемости развития значимых и затрагивающих личность событий, утрату ими потенциала рационализации и осознанного целенаправленного упорядочивания, что обращается в ощущение невозможности определить собственную судьбу в рамках долгосрочного прогноза и неверие в способности повлиять на происходящее. Оценка современности как «хаотичной» рождается, очевидно, как реакция на внезапно случившееся существенное видоизменение ценностей (наполнение привычных имен иными – подчас противоположными – смыслами) и/либо смещение их устоявшейся иерархии, а также как переживание разрушения привычной «логики жизни» (в значении «предсказуемой и повторяющейся»). Все это, взятое в совокупности, приводит к наименованию реальности «абсурдной». Присваивание миру свойства «враждебности» объективирует переживание экзистенциальной опасности вкупе с ее глобальностью [1]. Ощущение витальной угрозы мультиплицируется в условиях потоковости и противоречивости информации, ее утаивания либо намеренного искажения, а также ввиду нормализации силовых решений социальных противоречий.

Описанные переживания мира, характерные для настоящего, рождаются, транслируются и многократно усиливаются, подвергаясь искажениям через информационные потоки, алгоритмизированные и канализированные средствами цифрового мира. Однако в описанных условиях эволюция «преобразующейся» реальности² не только не прекращается, но, вероятно, лишь ускоряется под действием актуальных гуманитарных вызовов, интенсифицирующих разнонаправленные процессы, а очередной глобальный кризис предстает как новая возможность [2, с. 38–39]. Мир обнаруживает себя как все более связанный и все менее понятный (если не признаваться в ограниченности либо тщетности любых рациональных попыток его объяснения). Однако нарастающий хаос должен и продолжает оставаться предметом наблюдения и рефлексии хотя бы потому, что человеческое сознание не в состоянии отказаться от имманентно присущего ему стремления к рационализации и упорядочиванию, как бы «приручению» стихии, неизменно стремящейся выйти из-под контроля. И хотя опасений относительно способности человечества инструментальным путем подчинить беспорядок сталкивающихся человеческих волей разумному порядку все больше, да и сам этот инструмент уже неоднократно дискредитировал себя, все иные альтернативные средства (политическая воля, религия и сила) а priori непригодны для достижения этой цели. Особая трудность видится здесь в том, что упомянутые инструменты зачастую не основываются на достоверном знании реальности, полагая ее в качестве объекта интервенции, а не понимания, и направлены на реализацию идеальных моделей, зачастую действительно не корреспондирующих и требующих лишь веры, несмотря на свою отстраненность от социальной материи.

¹ Акроним «ТАСИ», разработанный и применяемый в психологии кризисного управления, позволяет стереотипизировать сложившийся контекст с целью дальнейшей алгоритмизации разработки кризисных стратегий (решений).

² См. Приколотина, Ю.Л. Криминология преобразующейся реальности / Ю.Л. Приколотина // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. D. Экономические и юридические науки. – 2022. – № 6(61). – С. 121–127.

Сложность современности для социальных наук состоит том, что последние традиционно имели дело с устойчивыми (воспроизводящимися и воспроизводимыми) феноменами. Однако нынешнее время обуславливает все больше сомнений относительно принципиальной познаваемости происходящего и еще более неверия в возможность прогнозирования его развития по причине стихийности и критичности изменений. Иначе говоря, наука может иметь дело только с «порядком», однако в условиях нарастающего хаоса эта задача представляется значительно осложненной. В связи с этим остро встает вопрос о необходимости поиска новых инструментов познания. Ведь в условиях социальных катаклизмов наука как заинтересованный, но непредубежденный систематический разум оказывается в сложных условиях, тем не менее, оставаясь, вероятно, единственным спасением человечества.

К криминологии как к науке, обращенной одновременно к социальной реальности и реальности идеальной (миру идей как заданностей и оценок) все указанные выше рефлексии имеют непосредственное отношение, потому она также признается оказавшейся в методологическом тупике. В научной литературе все чаще и все «громче» выражаются суждения о нынешней фактической не востребованности криминологии как базиса для разработки уголовной политики и уголовного закона. И одной из причин этого видится низкое качество криминологических исследований [3, с. 62], в том числе по причине неадекватности их познавательного потенциала. Так, Ю.Е. Пудовочкин и М.М. Бабаев полагают, что к настоящему времени криминология в том виде, в котором она преимущественно существует на постсоветском пространстве, исчерпала себя, так как исследования проводятся традиционным образом и инновационных разработок ничтожно мало. И хотя отдельные немногочисленные попытки обновления методологии предпринимались, в том числе, в форме междисциплинарных исследований, криминологические задачи решались и продолжают решаться преимущественно за счет ресурсов самой криминологии, не имея никакой «подпитки» извне, что привело к истощению познавательного ресурса науки [4, с. 139]. При этом невозможно представить последствий совершенной утраты криминологией ее преобразовательного и гуманитарного потенциала и ухода уголовного права и практики реагирования на преступления и преступность в сторону «чистого» нормативизма³ как самодостаточного (замкнутого на себе) моделирования уголовного закона. Ведь при таком подходе открывается путь для законотворческого произвола.

Указанные выше проблемы, составляющие как проявления, так и последствия некоего кризиса криминологической науки, обусловившего ее не востребованность, требуют постановки вопроса о методологии и методах криминологических исследований как деятельности, призванной не только обеспечивать, но и инициировать законотворчество. Именно поэтому, пожалуй, настоящее идеально приспособлено для пересмотра устоявшихся представлений и постановки проблемы смены научных парадигм в социальных науках, включая криминологию.

В настоящей статье заинтересованному читателю будут представлены к рассмотрению размышления автора, имеющие целью привлечь внимание к настоящему и будущему криминологии как безусловно значимой и перспективной науки, нуждающейся, тем не менее, в кардинальном пересмотре ее устоявшихся и традиционных познавательных предпосылок и способов наблюдения криминологически значимых феноменов. Предполагается рассмотреть основные методологические и методические проблемы, с которыми столкнулась современная криминология, и обозначить возможности их преодоления.

Основная часть. Согласно представленным выше оценкам, в криминологии давно назрело множество проблем – как методологических (парадигмальных), так и инструментальных (связанных со сбором и обработкой информации о конкретных фактах), связанных с обоснованностью криминологических исследований. Следует отметить, что криминология, понимаемая как наука социальная, то есть исследование, рассматривающее преступность как один из продуктов всего происходящего в социальной системе [5, р. 362], имеющая доверие к «разумности» этой системы, не может не сталкиваться с теми же проблемами, которые характерны для всех социальных наук. Социальные феномены, в принципе, относят к наиболее сложным научным проблемам, в связи с чем наукам, имеющим в качестве своего предмета те либо иные объекты социетальной (относящейся к обществу как к единому целому) природы, так сложно производить новое знание в форме согласованной и целостной теоретической базы. Сложность этого объекта вызвана, в первую очередь, его постоянными изменениями, многократным усложнением и неустойчивостью [6, р. 489].

Кризис социальных наук констатируется как неспособность наук об обществе найти адекватный ответ на нарастание сложности общества – множественных онтологических уровней с мультинаправленными связями (не только от микроуровней к макроуровням, но и в противоположном направлении). Одновременно социальные системы представляют собою «ускоренную диффузию явлений, моделей поведения и культурных черт». Ускорение процессов приводит к появлению новых свойств системы (формированию общественного мнения, политических движений, новым глобальным и локальным идентичностям, коллективным предпочтениям и т.д.) и одновременно к критическим масштабным событиям в экономической или политической сферах, включая глобальные кризисы. Наконец, в сложных социальных системах часто наблюдаются взаимозависимости и взаимовлияния [7, р. 326].

Именно по причине критичности (существенности и масштабности) преобразований социального организма виднейшие криминологи говорят о необходимости нового подхода в криминологии. Так, Я.И. Гилинский наименовал свою недавнюю работу неокриминологией (криминологией постмодерна). В ней он обосновывает

³ Под нормативизмом здесь понимается правовая доктрина, полагающая право (закон) в качестве логической формы, которая оторвана («абстрагирована») от социальной действительности. Здесь не норма права рассматривается как реакция на происходящие социальные процессы, но как источник их принудительного преобразования, формирования.

неизбежность кардинально нового подхода к рассмотрению преступности в обществе постмодерна, который характеризуется взаимопроникновением культур, глобализацией, вызывающими размывание границ между нормальным и ненормальным. В рамках этой концепции преступность понимается как социальный конструкт, искусственно созданный, как и иные социальные конструкты [8, с. 25]. Многие ученые отмечают необходимость обновления методологии криминологической науки в связи с изменением социальности человека, вызванным значительной (а может, и доминирующей) ролью новых видов коммуникации как в формировании личности, так и в генезисе ее поведения [9, с. 425–427].

Криминология уже давно движется по пути локализации предмета изучения и соответствующей специализации⁴. В.Е. Квашиц оценивает данный процесс как противоречивый, выражая опасения относительно разрыва внутри научного знания и разрыва между методологическими основаниями исследований и их прикладной частью [3, с. 61]. Однако, вероятно, не стоит признавать эту тенденцию абсолютно отрицательной, ведь стремление к частным теориям, объясняющим отдельные криминальные явления, возможно считать вполне закономерным явлением. Это проявление тенденции децентрализации, локализации знания. Призыв к единым методологическим основаниям криминологии, вероятно, следует признать отражением сложившейся в советское время и фактически продолжающей эту тенденцию постсоветской науки – централизации, при которой отдельный вуз, научный центр не признается самостоятельным и обязательна универсальная сертификация «научности». Однако это совершенно точно противоречит идеям сетевого общества, в котором ни государство, ни какие-либо институции не являются монополистами в какой-либо области, в том числе в науке. По сути, наша криминология – это криминология прошлого, которая не принимает во внимание состоявшихся в мире изменений, трансформаций, произошедших с самим человеком. Так, в качестве глобальных объяснений преступности зачастую предполагается аномичное состояние общества, правовой нигилизм, негативное состояние культуры, рассогласованность либо криминогенность правовых норм и т.д. Но эти объяснения возможно считать правдивыми только в том случае, если использовать старые модели, не учитывая фундаментальных изменений общества, обусловленных как самой его парадигмой (свобода превыше всего, индивид как основной субъект, всеобщая взаимосвязанность), так и рынком как всеобщей идеей. Кризис как норма жизни (кризисный компонент современной жизни) требует иначе взглянуть на мир. Также необходимо заметить, что технологическая революция существенно изменила психологию человека, обусловив феномен «массовости» и, следует полагать, «человека массового» [3, с. 62].

Неким «предвестником» констатируемого кризиса социальных наук, вероятно, следовало бы признать их ранее устоявшуюся мультипарадигмальность, явившуюся ответом на осознание невозможности установления универсального объяснения сложнейшей и все более усложняющейся и разворачивающейся социальной действительности. Ведь даже в повседневной жизни человеку давно уже приходится сталкиваться и мириться с бесчисленными версиями миропонимания, а мультипарадигмальность как мирное сосуществование множества версий мира и человеческой природы – уже достаточно привычное для нас явление. Институционализация мультипарадигмальности социальной науки, вызывающая у представителей точных и естественных наук скептицизм относительно принципиальной возможности наименования социальных дисциплин «науками», не отменяет констатации факта изменчивости социальной материи ввиду ее эволюционирования, в отличие от материи физического мира. В связи с этим единственным адекватным ответом на усложнение мира, появление новых феноменов и вскрытие ранее неявных, способна стать лишь познавательная предпосылка о допустимости не взаимоисключающих объяснений.

Для юридических наук мультипарадигмальность менее характерна, а в уголовном праве, пожалуй, все еще царит вера в абсолютность позитивного права (писаного закона) и соответствующая склонность к поддержанию устоявшегося порядка, замедляющая как принятие альтернативных позиций, так и обращение к эмпирии. Для права, в особенности для уголовного права, характерно стремление к консерватизму. В этой связи описательный релятивизм как ответ на сложность социальных феноменов и их изменчивость, а также эмпиризм как распознавание назревшей необходимости в трансформации права могут быть оценены учеными юристами негативно. Вероятно, именно по этой причине юридическую науку, причисленную к наукам гуманитарного цикла («наукам о духе») нередко обвиняют в субъективизме, необоснованности и оторванности от реальности. Однако, если придерживаться парадигмы нормативизма, может представляться, что юриспруденция и должна быть самостоятельной, так как ее назначением является определение должного, выводимого из идеи человечности, и имеющего самостоятельный характер. Однако должное не может строиться лишь на мнениях политиков и ученых, как и покоиться на государственной воле. Основанное на таком подходе должное, игнорирующее сущее, не смогло бы продержаться бесконечно долго, не вызвав непоправимых негативных последствий. Помимо этого, следует отметить, что сам образ должного (нормативности) может проявляться и в самих феноменах действительной жизни. Иначе говоря, «эволюционирующая нормативность» может зародиться где угодно, ведь «дух дышит где хочет». Именно поэтому внимательное отношение к социальной реальности и есть действительное обращение к самой жизни. В связи с этим закономерен поворот юриспруденции к эмпирическим наукам и криминология способна стать инструментом распознавания зарождающихся в среде горизонтальных связей (сетевых связей, сетевого общества) норм.

⁴ «Криминология все больше развивается в парадигме исследования преступности конкретных подсистем, выделения ее отдельных сегментов и формирования на этой основе растущего числа отраслевых, «частных» криминологических теорий (семейная криминология, криминология массовых коммуникаций, политическая криминология, криминология в спорте, медицине и т.п.). Вероятно, это веление времени и, значит, процесс объективный, но это не снижает необходимости кооперации и интеграции научного знания; важно, чтобы развитие такой специализации базировалось на единых методологических основах криминологической науки» [3, с. 61].

В связи с этим, вероятно, Ю. Пудовочкин и М. Бабаев полагают, что криминология не должна более рассматриваться как «вспомогательная наука», к которой обращаются периодически, а к полученным ею данным – избирательно. Теперь уже само уголовное право (уголовный закон) должны стать объектом пристального криминологического внимания. Согласно их позиции: «Необходимо не только социологическое и криминологическое осмысление функционирования уголовно-правовых норм и институтов, но и восприятие самого уголовного закона и его предписаний в качестве существенного элемента социальной среды, который определяет параметры ее функционирования, в том числе с точки зрения конструирования стандартов поведения, утверждения справедливости и многого иного, что влияет на протекание криминогенных и антикриминогенных процессов» [4, с. 139–140]. Д.А. Шестаков даже говорит о «преступном законе» [10], что снова приводит нас к мысли об обоснованности критического отношения к уголовному закону и уголовной политике, а также к доказательной уголовной политике⁵ как необходимой стратегии. Противоположностью доказательственной политики видится «криминологический позитивизм» – привязка криминологии к уголовному закону, ограниченность исследований анализом деяний, определенных в качестве преступлений законодателем, совмещенное с обращением к фоновым явлениям преступности [4, с. 140]. Как отмечает коллектив авторов «Манифеста количественной криминологии», в мировой практике уголовная политика опирается на криминологический анализ, а криминология, наряду с методами качественных исследований, широко использует результаты анализа больших массивов количественной информации [11, с. 92].

Важным основанием для пересмотра теоретического инструментария криминологии способно стать осознание глобальной взаимосвязи как одного из ключевых свойств перманентно преобладающей реальности. Пожалуй, ни одна из современных проблем не может быть признана локальной в узком смысле этого слова, так как она неизбежно оказывается поставленной в глобальный контекст и соответственно в ней рассматриваемой. Также следует отметить, что глобальность может оказаться самостоятельным источником постановки и/или осознания чего-либо в качестве проблемы, в принципе. Причиной этому может быть то, что теперь каждый пользователь, включенный в глобальное информационное пространство, становится производителем информации и может инициировать признание любого события повсеместно значимым [7, р. 331]. Мир связан – климатические условия, ресурсы, технологические процессы не позволяют изолироваться. Связанность информационных потоков способствует формированию всеобщей социальной системы и соответственно глобальной нормативной системы. Преступность не является исключением из этого правила, ведь она также стала глобализированной – не только по той причине, что преступления, совершаемые посредством сети Интернет, стали повсеместны по причине цифровизации социума и доступности (дистанционной досягаемости) практически любого человека. Всемирная сетевая объединенность также вызвала создание новых форм организованной преступности, и сама «новая цифровая реальность» оказалась фактором преступности и одновременно звеном в формировании готовности к совершению преступления. Кроме того, теперь любое решение «проблемы преступности» не мыслится без интервенций через сеть.

Описанные выше сложность, многомерность, разнонаправленность социальных процессов, их цифровизация, глобализация, всеобщая связанность, в том числе посредством глобализации нормативности, требуют уже не устоявшейся мультипарадигмальности, но междисциплинарности как объединения усилий ученых, специализирующихся не только на специальных объектах, но и на способах их объективации посредством построения математических моделей, а также задействования ресурсов искусственного интеллекта. Экспоненциальное нарастание информации о социальных феноменах связывается с уходом от качественных исследований к количественным [11].

Существенным проявлением кризисности социального познания признается и кризис репликации⁶. Для любой социальной науки как науки парадигмально обусловленной позитивизмом⁷, принципиальным стандартом качества, предъявляемым к ее «откровениям», является эмпирическая обоснованность. Последняя же традиционно и в большинстве случаев требует соответствия результатам критерию воспроизводимости (реплицируемости)⁸. Не всякое эмпирическое исследование принципиально реплицируемо, в особенности в том случае, если оно выполнено качественными методами⁹ (что и составляет одну из существенных проблем именно криминологических исследований) либо фокусируется на исследовании уникальных явлений и проводится в принципиально невозпроизводимых условиях¹⁰. Однако, учитывая прикладную направленность криминологии, ее преобразовательный потенциал, изыскания, направленные на проверку теорий, претендующих на всеобщность либо проводимые для оценки неких реализованных либо потенциальных интервенций, способных существенным образом повлиять на реальность (например, на работу уголовной юстиции), должны отвечать требованию воспроизводимости. В противном случае

⁵ Доказательная политика предполагает обязательное обоснование принятия решений, связанных с государственным воздействием, на анализе научных данных.

⁶ В 2016 г. в журнале «Nature» была размещена статья «Is there a Reproducibility Crisis?», в которой были опубликованы результаты опроса 1576 исследователей. Более 70% ученых сообщили, что пытались воспроизвести результаты своих экспериментов либо экспериментов, проводимых другими, но не смогли. [13, с. 51].

⁷ Под позитивизмом в данном случае понимается признание знания достоверным лишь при его выведении из эмпирических фактов.

⁸ Реплицируемость (воспроизводимость) научного исследования предполагает, что результаты, полученные одним ученым, могут быть воспроизведены любым другим ученым, применяющим такой же метод.

⁹ Качественные методы в социальных науках направлены на изучение индивидов, понимание и объяснение субъективных феноменов, возникающих в процессе их взаимодействия.

¹⁰ Такого рода исследования, как правило, носят разведывательный (пилотный) характер и проводятся в отношении новейших феноменов.

результаты не могут быть оценены как объективные. Репликация также способствует институционализации результатов и уверенности в их надежности, открывая возможность имплементации результатов в политику и практику, закономерно обуславливая их привлекательность [12, p. 582].

В 1990-е годы в эмпирических науках произошла революция доверия «credibility revolution», остро поставившая вопрос о качестве эмпирических исследований в связи с их дизайном (требованием к порядку сбора и анализа данных), и в качестве главной задачи определившая способность исследований обнаруживать достоверные причинно-следственные связи [11, с. 91]. Однако, согласно одной из правдоподобных версий современная криминология на постсоветском пространстве ориентируется скорее на нормативный анализ и качественные исследования, и методологическая революция общественных наук ее не коснулась [11, с. 91]. В криминологических исследованиях зачастую неявны методологические предпосылки эмпирического исследования и инструменты анализа и интерпретации его результатов. Криминологи редко владеют методами эмпирических исследований и потому неспособны обеспечить их репрезентативность, в то время как по их итогам выносятся суждения о закономерностях преступления и преступности, претендующие на преобразование реальности.

Как мультипарадигмальная и эмпирическая наука криминология нуждается в доступе к информации самого различного характера. При этом заранее невозможно определить, какого рода данные могут оказаться криминологически значимыми. Однако специальные исследования редко обладают потенциалом, позволяющим в рамках конкретного исследования организовать сбор и обработку значительных массивов данных. Для оперативности (являющейся жизненно необходимой в условиях колоссальной скорости обновления объекта изучения) и полноты исследования, очевидно, требуется доступ к массивам данных, имеющимся у соответствующих субъектов, ведущих статистическое наблюдение. Но для этого необходимо чтобы все они вели съем и хранение данных достаточно продолжительное время, должным образом и были готовы предоставить информацию для достижения целей исследования.

Зачастую статистическая информация остается самым востребованным или единственным источником криминологической информации, чем, вероятно обуславливает недоверие к криминологическим продуктам. Оно вызвано проблемой формирования статистики в условиях неочевидности (исследователь не получает данные самостоятельно, в связи с чем вынужден доверять, не имея возможности проверить), задействования многих субъектов при ее формировании, и подозрением в манипуляциях с данными. Сама же статистическая информация носит служебный характер, а это значит, что она собирается и обрабатывается в том порядке, который установлен тем либо иным ведомством. Статистика всегда представляется в обобщенном виде, в виде конкретных заданных показателей, то есть нет возможности самостоятельного отбора и определения способа ее обработки, так как базы данных не предоставляются. Кроме того, к моменту получения обобщенной информации объект наблюдения может измениться до неузнаваемости, что делает полученные данные бессмысленными. То есть фактически, мы имеем дело с монополией на информацию и у криминолога существенным образом ограничены возможности доступа к первичной, необработанной информации, то есть к ее носителям и неагрегированным данным. Тем не менее, если исследователь обращается к альтернативным источникам, выходя за пределы сферы уголовной юстиции, его могут уличить в оторванности от юриспруденции и смещении сферы интересов в сторону социологии и произвольном избрании поля исследования. Все это способствует бессистемности сбора информации, негативно влияя на качество исследований [14, с. 196].

Опасения относительно невостребованности криминологии, явившиеся первопричиной настоящей статьи, возможно объяснить, среди прочего, фактической государственной монополией на криминологические исследования и соответствующей «централизацией исследований», когда проводить эмпирические исследования могут только лица, имеющие доступ к источникам информации о преступлениях (к неагрегированным, необработанным первичным данным), а доступ к ним существенно ограничен. В этой ситуации свобода исследования как свобода доступа к информации, являющееся необходимым требованием открытого общества (с закономерно необходимыми конкурирующими «узлами» в терминологии Кастельса) ограничена возможностями частных опросов, проведение которых также находится под контролем и грозит административной ответственностью, попадая фактически под понятие «социологических опросов». Выходом здесь может явиться использование альтернативных методов получения информации, но они требуют освоения криминологами новых технологий получения и обработки данных, а может быть и получения навыков программирования. Демократизация и сплочение общества также требуют децентрализации исследовательских инициатив и проектов и одновременно свободного обмена информацией. Как полагают российские криминологи, авторы «Манифеста количественной криминологии» выход из методологического тупика и решение проблемы ограниченного доступа к информации может решить количественная стратегия. По их мнению: «В основе уголовной политики должно лежать объективное эмпирическое знание о том, что происходит с преступностью и не в меньшей степени о том, как на практике работает правоохранительная система. Разработать такую уголовную политику невозможно без работы с современными методами количественного анализа – новой количественной криминологии» [11, с. 93]. Работа с данными в рамках алгоритмизации минимизирует влияние «человеческого фактора», оказывающего влияние на объективность данных. Таким образом возможно охватить всю генеральную совокупность, не снижая качества исследования неизбежной погрешностью выборочной совокупности. В таких случаях само исследование является базой для создания теорий (актуальных эмпирических закономерностей), а не теории (гипотезы) обуславливают исследования и интерпретацию данных.

Заключение. В завершение приведенных выше размышлений, представляющих собою первичные рефлексии о судьбах современной криминологии, сфокусированные на наиболее явных и серьезных методологических и методических сложностях, которые видятся в качестве фактора фактической либо потенциальной не востребоваемости криминологических изысканий, следовало бы наметить и возможные «выходы» из них. Перспективы криминологии как востребованной науки видятся в «вычислительной криминологии», которая позволяет объединить математические и социологические методы исследования [14, с. 274]. Представляется, что к настоящему моменту стала доступной возможность широкого задействования количественной методологии, позволяющей средствами сети и искусственного интеллекта осуществлять мониторинг критически важных и криминологически значимых изменений параметров социальной жизни. Всеобщая взаимосвязанность, цифровизация коммуникации, погруженность индивидов в онлайн-отношения и репрезентация личности, сопряженная с ее открытостью, позволяют рассматривать сетевые феномены как источник криминологически релевантных данных. Также адекватным выходом из существующего «тупика» является обеспечение свободы доступа к данным в неагрегированном виде.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жизнь после BANI. В какую реальность нас забросил 2022 год [Электронный ресурс] – URL: <https://blog.bitobe.ru/article/zhizn-posle-bani-voshod-novyh-mirov/?ysclid=I9q1nzxbc6413290782>.
2. Поклад, В.І. Глобалізація та пандемія / В.І. Поклад // Українське суспільство в пошуках відповідей на виклики сучасності: світоглядний рівень осмислення: Всеукр. наук.-теор. конф., Одеса, 18–19 черв. 2020 р. / За заг.ред. акад. С.В. Ківалова. – Одеса : Фенікс, 2020. – С. 36–39.
3. Квашис, В.Е. Проблемы качества криминологических исследования: истоки и симптомы болезни / В.Е. Квашис // Журнал российского права. – 2018. – № 6. – С. 58–68.
4. Пудовочкин, Ю.Е. Проблемы производства и оборота криминологической информации / Ю.Е. Пудовочкин, М.М. Бабаев // Российский девиантологический журнал. – 2021. – № 1. – С. 137–150.
5. Lanier, M.M. Essential Criminology / M. M. Lanier, H. Stuart. – 3 ed. – 504 p.
6. Watts, J. A twenty-first century science / J. Watts // Nature. – 2007. – Vol. 445. – № 1. – P. 489.
7. Manifesto of computational social science / R. Conte, N. Gilbert, G. Bonelli, et al. // Eur. Phys. J. – Spec. Top. 214. – 2012. – P. 325–346.
8. Гишинский, Я.И. Криминология постмодерна (неокриминология) / Я.И. Гишинский. – М. : Алетейя, 2021. – 136 с.
9. Серебренникова, А.В. Криминологические проблемы цифрового мира / А.В. Серебренникова // Russian Journal of Criminology. – 2020. – Vol. 14, № 3. – P. 423–430.
10. Шестаков, Д.А. Фикция порождения преступлений законом. Криминологическое определение преступления / Д.А. Шестаков // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2011. – № 2(21). – С. 59–65.
11. Манифест новой количественной криминологии «Уголовная политика с опорой на данные» / К.Д. Титаев, Д.А. Скугаревский, А.В. Кнорре, В.Е. Кудрявцев, М.С. Шклярчук // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2018. – Т. 9., Вып. 1.: Право. – С. 91–101.
12. McNeeley S., Replication in criminology: A necessary practice / S. McNeeley, J. J. Warner // European Journal of Criminology. – 12(5) – P. 581–597.
13. Коростельова, Л.А. Криза реплікації. Сучасний стан розвитку кримінологічних досліджень / Л.А. Коростельова // Вісник ЛДУВС ім. Е. О. Дідоренка. – 2022. – № 1(97). – С. 50–57.
14. Коростельова, Л.А. Іновації у зборі даних для кримінологічних досліджень / Л.А. Коростельова // Право і суспільство. – 2022. – №2. – С. 195–200.
15. Коростельова, Л. Обчислювальна кримінологія. Інноваційний підхід боротьби зі злочинністю / Л. Коростельова // Сучасні підходи боротьби зі злочинністю: погляди молодих вчених : зб. матеріалів Всеукр. наук. конф. здобувачів вищої освіти, Кривий Ріг 26 листопада 2021 р. / КННІ ДонДУВС. – Кривий Ріг, 2022. – С. 274–276.

Поступила 23.09.2022

CHALLENGES AND OPPORTUNITIES FOR CRIMINOLOGICAL RESEARCH IN A TRANSFORMING REALITY

Yu. PRYKOLOTINA
(*Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk*)

In the context of intense and accelerating transformations of social reality, science acts as one of the adaptive mechanisms to understand the nature of what is happening and the prospects for future change. However, in the face of rapid and substantial social change, the social empirical sciences, including criminology, also need to be transformed to take account of the digitalisation of relations, their exponentially increasing complexity and the growth of universal connectivity. These properties of a transforming reality require not only a move away from traditional sources of information on criminologically relevant phenomena, not only the application (expansion) of an interdisciplinary approach, but also the establishment of a 'quantitative criminology paradigm', a 'computational criminology' that enables the tracking of both criminal and potential criminogenic phenomena as well as background crime phenomena in real time through monitoring and using both preset and self-generated algorithms.

Keywords: *transformative reality, methodology of criminology, quantitative paradigm of criminology, computational criminology.*